

Гуменюк Т.К.

ЭСТЕТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА. КОНЕЦ СТИЛЯ?

То, что именуется постмодернизмом, – чрезвычайно многоплановое образование, проросшее почти во все слои современной культуры. Оно представлено на философском и близком к нему уровне, во многих гуманитарных дисциплинах, в художественной критике, публицистике, в способах деятельности средств массовой информации, не говоря уже о литературе и искусстве.

Тематическая широта публикаций постмодернистов, метафоричность их дискурсов, значительная компилятивность мысли, ультрадиалектические формулировки, множество неологизмов, изыски стиля – всё это создаёт серьёзные трудности при попытках чётко определить их идейные и тем более концептуальные новации. Зато вполне ясно выражены основные интенции: сокрушающая критика традиционных ценностей, рационализма, гуманизма, историзма, радикальное неприятие современной социальной самоорганизации, отрицание возможностей отдельной личности быть ответственной за свои решения и действия, её способности противостоять могуществу надличностных структур (социально-политических, идеологических и пр.).

Освобождение от гнёта власти, традиционных ценностных регулятивов, привычных норм, правил, социальных зависимостей – вот лейтмотив большинства постмодернистских рассуждений. Навязываемые нам «метадискурсы» есть механизм власти, способ порабощения человека, сами же «метадискурсы» недоказуемы, иллюзорны. Истина – не более чем «реликтовый принцип», следовательно, не существует «привилегированных дискурсов». А это знаменует неограниченный плюрализм, тотальный либерализм в производстве и выборе дискурсов. Разве что при выборе можно отдавать предпочтение прагматическим соображениям и, конечно же, установкам на оригинальность, новизну, игровую изобретательность. Скепсис, релятивизм, нигилистические тенденции, призывы к тотальной деконструкции субъекта и исторических традиций западноевропейской культуры составляют, по общему признанию, характерные признаки постмодернистской идеологии.

Я привела несколько упрощённую «выжимку» из идейного багажа постмодернизма, который выражает мироощущение, умонастроение, самочувствие «авангардистского» слоя интеллектуальной элиты, отображает вместе с тем некоторые черты массового сознания в постиндустриальном обществе. Мы вступаем в информационное (постиндустриальное) общество, и негативные феномены, будем надеяться, выражают черты его первой, незрелой фазы, когда ещё не выработаны адекватные юридические и иные способы обуздания своеволия и своекорыстия владельцев средств массовых коммуникаций, сонма пишущей, вещающей, вопящей, рекламирующей свой товар братии, когда ещё не учреждены эффективные обратные связи, обратные коррекции от потребителей информации к её производителям, когда интеллектуальный и моральный уровень массы этих потребителей пока ещё не обеспечивает такого влияния.

Несомненно, постмодернизм – знамение начавшейся информационной эпохи,

---

тех существенных преобразований в системе культуры, которые были вызваны бурным развитием информационных технологий и разнообразных средств массовых коммуникаций. В течение каких-нибудь двух-трёх десятилетий во сто крат умножилось число деятелей на ниве массовых коммуникаций и массовой культуры.

Мы наблюдаем уникальную по масштабу и глубине деформацию в системе культуротворческой деятельности, напоминающую, впрочем, некоторыми чертами «фельетонную эпоху», столь красноречиво описанную Германом Гессе в его «Игре в бисер». Особенно ярко это проявилось в последние годы: «...именно тогда среди интеллектуалов стали распространяться ужасающая неуверенность и апатия, стремительно упали до весьма скромного уровня духовные потребности и достижения» [2, с. 46]. «Путь к общественному признанию, почёту, славе и комфорту ведёт теперь не через аудитории, семинары и докторские диссертации: низко павшие интеллектуальные профессии обанкротились тогда в глазах всего мира... Тем талантам, которые стремились к блеску и поклонению, пришлось отвернуться от постылой и неблагодарной духовности и посвятить себя другим видам деятельности, где их уделом стало добывание денег и благополучия» [2, с. 56].

Название данной статьи навеяно книгой Бориса Парамонова «Конец стиля», популярного на Западе и у нас публициста, вдохновенного крушителя «репрессивной культуры» с её традиционными нормами и ценностями. «Уничтожен «гносеологический субъект», носитель нормативного сознания, картезианского *cogito*, то есть как раз конструктор всяческих общеобязательных истин, творец стилей, стиля» [3, с. 14-15]. И это есть достижение подлинной демократии, которая не вправе навязывать отдельному человеку общие для всех ценности. Поскольку с установкой на поиск истины покончено, остаётся только личная правда, пригодная исключительно для индивидуального употребления. «Демократия и есть постмодернизм» [3, с. 5]. Это – конец «деспотизма формы», прежде всего в искусстве, «смерть морализма как отвлечённого начала» [3, с. 17], «ухмылка при слове «красота»» [3, с. 138]. «Постмодернизм – это ирония искущённого человека, который понимает, что секс важнее сублимации» [3, с. 19], «ирония по отношению к любым «результатам»» [3, с. 19]. При этом Б. Парамонов наставляет: «Нигилизм должен быть не пафосом, а иронией» [3, с. 72]. В такой форме он лучше достигает своих целей.

Итак, казалось бы, речь идёт о конце стиля, но на самом деле Борис Парамонов – писатель не только яркий и пронизательный, но – хоть сам он и называет моду и стиль реликтами самосознания – модный и стильный.

Ибо его (а наряду с ним можно было бы назвать многих) стиль мышления – это стиль мышления сообщества, основанный на понимании того факта, что: «Истина суждений опыта относится к нашей системе координат» (Л. Витгенштейн). Только сейчас современность стала подлинной современностью – в тот момент, когда мы можем вместе с Нельсоном Гудменом сказать: мы знаем теперь «множество миров, их зависимость от символических систем, которые мы конструируем, многообразие стандартов правильности, которым подчиняются наши конструкции» Гудмен в «Способах построения мира» подчёркивает: существеннейшим результатом современной

философии является то, что «она началась с кантовской замены структуры мира структурой духа и пришла в конце концов к замене структуры понятий разнообразными структурами символических систем науки, философии, искусств, восприятия и повседневной речи. Движение идёт от одной единственной истины и одного изначально данного мира к процессу порождения многообразия верных и при том конфликтующих вариантов или миров» [9, с. 10].

Всё это напоминает субъективизм, и многие усматривают неизбежные следствия программы субъективизма в тезисе несоизмеримости теорий и релятивности истины. При этом упускается из виду, что никто не отбрасывает важное требование когерентности высказываний. В рамках определённого эпистемологического профиля все знания, имена и значения занимают своё место в совокупности концентрических кругов, которые (в центре – принципы, и на периферии – следствия) образуют структуру теории. Всякий отдельный акт познания связан в подобной структуре с другими актами; всякий акт имеет контексты и актуализирует новые связи. Контекстуальность реляционирует познавательный акт, не приводя к его релятивизации в смысле произвольности. Плюрализм не уничтожает тот мир, в котором мы живём. Но принятие вещного мира не означает принятия всегда уже ставшего мира, в большей мере это означает принятие определённой формы языка, определённой концептуальной схемы и их правил, а также и того, что правильность наших решений можно обосновывать различным образом. Итак, мой взгляд на мир и мои предпочтения избираются отнюдь не на таких истинностных условиях, которые имеют в своём основании одно единственное выделенное бытие. Поэтому данный мир встречает нас в различных ипостасях, которые мы выбираем для данной встречи.

Философия и теория науки, говорящая это, приобретает онтологическую скромность. Фактически познание утрачивает мир «вещей самих по себе» в той мере, в которой реальность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в варианты мира.

Когда я говорю о «феноменальном мире», дабы обозначить, о какой «реальности» вообще может идти речь, может возникнуть впечатление, что я всё же беру на себя определённое онтологическое обязательство. Мы как бы высказываем отношение к чему-то вроде кантовской «вещи в себе», пусть даже и в форме отрицания, и в этом смысле предполагаем «внешнюю реальность». Однако эта реальность – применительно к Канту или безотносительно к нему – не представляет собой серьёзной проблемы. Если бы мы подвергали сомнению существование пространственно-временного мира, это было бы бессмысленной и ненужной утратой рациональности и возможности ориентации в мире. Так называемая проблема «внешнего мира» не представляет философского интереса. По утверждению Р. Карнапа, сторонника «внутреннего реализма», «тезис реальности внешнего мира является пустой добавкой к научной системе» [7, с. 71].

Интерес для философии и теории представляет мир знания, в котором являет себя внешний мир. Интересно конструирование реальности, прочитанной в знаках и символах, книга реальности, пишущая вновь и вновь различным образом в языках культур. Это представляет интерес потому, что мы должны знать, кто мы есть,

---

чтобы быть в состоянии знать, что есть реальность. Это предполагает точку зрения, которую Кассирер сформулировал так: «Для собственно философии характерен не «исходный пункт», а «точка зрения». Она не просто стремится из определённого пункта сориентироваться по некой карте, в которой обозначены, в качестве известного и данного, отдельные круги бытия. Она в значительно большей мере нацелена в неведомую даль, которую ещё предстоит исследовать и открыть с помощью мысли» [8, с. 24].

Итак, вернёмся к проблеме, касающейся не одного только Парамонова, но всей постмодернистской эстетики: «конец» вырастает тут в эсхатологическую проблему, в глобальное противоречие, особенное, какое-то метафизическое напряжение педалируется постмодернистами в этом пункте. Конец стиля, как и конец истории, с их точки зрения, вовсе не простое «окончание» или «финал» (да ведь и эти слова – мажорные) а, напротив, – своего рода заострение, акмэ, высшее напряжение. От «стиля», «стилос» – палочки для письма, – до «конца стиля» уже прямо отточенного грифеля.

Конец стиля связывается с триадой, которую можно было бы записать так: мультикультурализм, демократия и постмодернизм: «Демократия и есть постмодернизм. В свою очередь, демократия есть особый тип культуры, взятый уже в предельно широком значении термина – как образ жизни, как стиль. Демократия как культурный стиль – это отсутствие стиля... Плюрализм демократии отнюдь не полистилистичен. Стиль противоположен и противоположен демократии. Носитель, субъект демократии – единичный, атомизированный человек. По Достоевскому, это человек взятый со всеми его почёсываниями. Почёсывания в демократии уважаются как всякая данность, как «мультикультурализм». Но мультикультурализм и есть отсутствие культуры как (универсальной) нормы» [4, с. 187].

Из цитаты мы можем увидеть и оценить не только взаимопорождение (из ничего) компонентов триады, но и удивительное умение перекидывать из ладони в ладонь слова «стиль» и «культура» до их полного заигрывания и превращения в ничто.

Философия, особенно современная, – по большей части терминологическая игра. Здесь многое зависит от языка, на котором ведётся разговор. В этом мышлении, мышлении возможными мирами «стилос» (колышек для письма на вощенной палетке) давным-давно сменился гусиным пером, «паркером» и «ундервудом», тогда как суть и смысл процесса письма и сегодня, когда мы нажимаем на слишком, возможно, послушные клавиши, те же, что и при Сократе. В человеке дело, а не в приспособлениях. Человек может быть страшен, но он всё же не терминатор из телевизора. Есть что-то до слёз смешное в эсхатологической надежде вживе присутствовать при конце стиля.

Стиль – с его всевозможными уровнями и формами, куда я в этом контексте отнесу и эстетический «полистилизм», и художественную «полистилистику», ибо стилю я противопоставляю аморфность бесстилья, – не репрессия, а движущая сила, наполняющая паруса искусства. Он, стиль, и должен страшить легковесное, ибо оно им сдувается.

Постмодернистская мода с её пафосом деструкции, разрушения, с её привкусом некрофильства – это вовсе не признак творческого стиля наступающей новой эпохи, не форма выражения причастности к высшему уровню культуры, а всего лишь одна из

реакций части интеллектуальной элиты на мучительные трудности вставших перед нами проблем. Это реакция невротизированного таланта, изоощрённого, эстетизированного, пылающего жадой «новаторства» интеллектуализма, обделённого, однако, жизнеутверждающей силой. Такой интеллектуализм способен ярко, увлекательно выразить «недовольство культурой», его главная специализация «бить в набат», любимое занятие – состязание в эпатаже, в шокирующих новациях, производимых путём «сокрушения» общепринятых, основополагающих ценностей, норм общения, приличия, добронравия. Но ему неведом подвиг сотворения новых высокозначимых ценностей и смыслов, призванных укреплять и возвышать целостность, единство, гармонию; он этим и не озабочен.

Вот как характеризуют постмодернистский текст и его разрушительные функции В.В. Бычков и Л.С. Бычкова в своей содержательной статье «XX век: предельные метаморфозы культуры»: «Прерывистость, фрагментарность, дисгармоничность, иронизм, интертекстуальность, эклектизм, эротизм – характернейшие черты постмодернистского текста (в широком смысле слова), т. е. и постмодернистского артефакта, и дискурса как такового. И шире – ПОСТ-культуры в целом, как переходного этапа от Культуры к чему-то иному. Фактически это характеристика глобальной системы расшатывания, деконструирования, демонтажа Культуры как некоей могучей целостности; разборка Храма. На руинах его уже мельтешат какие-то новые фигуры и фигуранты. Монтируется что-то, но за клубами пыли от рушащихся святилищ ещё нельзя разобрать почти ничего вразумительного» [1, с. 82].

В статье, симптоматично озаглавленной «Debut de siecle или от пост к прото-», М. Эпштейн рисует фантастическую картину «начала нового эона», «нейрокосмической эры», мира «виртонавтики», «сюрреалов» и человека как «биотехновида», мира с захватывающими дух возможностями, но и мира, который может рухнуть от простого нажатия кнопки каким-нибудь «информтеррористом» [5, с. 385].

Какое же будущее ждёт нас?

Но «прото-» – не от проточно-изменчивого ли Протея? – выразительно и точно соответствует иллюзорности художественной практики и эстетики постмодернизма. Эта эстетика – протеическая, если не сказать, хамелеонская: лишь протяни к ней руку – и она тотчас же прикинется «неэстетикой», как и сам стиль – «нестилем».

Итак, наряду с экологическим кризисом и другими хорошо известными глобальными проблемами (перенаселение, дефицит энергетических ресурсов и т. д.) угрозу существованию земной цивилизации представляет бурное, неконтролируемое разрастание виртуальной реальности. Как отмечалось выше, это связано с негативным воздействием непосредственно не на соматические процессы, а на управляющие регистры социальной саморегуляции, на закреплённые антропогенезом механизмы диагностики подлинной реальности, регулятивы межличностных и социальных взаимодействий, т. е. как раз на фундаментальные коды культуры, которые защищены гораздо слабее в сравнении с генетическими кодами живых систем. Воздействия виртуальной реальности становятся сверхсильными, темп вызываемых ими изменений превышает адаптивные и эволюционные возможности управляющих систем на

различных уровнях социальной самоорганизации, возникают сбои и «поломки» в функционировании фундаментальных кодовых связей.

Поэтому важнейшей задачей культуротворческой деятельности является освоение виртуального мира, которое включает разумную редукцию избыточной информации путём её дезактуализации в коммуникативных контурах, оптимизацию в них с этой целью информационных фильтров (как бы ни кричали о свободе, такие фильтры всегда были, есть и будут, вопрос в том, для чего они и кто их устанавливает; разумеется, это мыслится не в качестве акций государства, а как необходимый результат культуротворческой деятельности); сюда относится редукция информации, преследующей экстремистские цели (противодействие разрушительным тенденциям в культуре, хаотизации социальной жизни). Центральная часть указанной задачи состоит в упорядочении, классификации, ценностном ранжировании феноменов виртуальной реальности, в оптимизации способов контроля над ней и взаимодействия между нею и подлинной реальностью (тем, что некоторые философы именуют «реально реальным»).

Здесь чрезвычайно актуальной остаётся проблематика массовой культуры, обогащения её содержания природоохранными и социоохранными интенциями, сокращения дистанции, промежуточных интервалов между нею и, как её называют, высокой культурой.

Неоднократно уже говорилось о феномене «журнализации» культуры, о чрезвычайном росте её коммуникативной составляющей, отмечался тот факт, что интеллектуальная деятельность и её продукты всё настойчивее стремятся принять эффективную, «успешную» коммуникативную форму. Последнее нередко способствует повышению уровня массовой культуры. Высокое, элитарное в культуре стремится установить прямую связь с массовой культурой, снизойти к ней, стать «доходчивой». В этом немало позитивного, выражающего общий прогресс культуры.

Однако налицо и тенденция типичной редукции, «унижения» культуры, стремление во что бы то ни стало потрогать массу (под властным воздействием экономических факторов). Мы видим, как часто интеллектуальная элита, демонстрируя свой обычный снобизм, в то же время низко заискивает у толпы и толстосумов.

Печальная картина: интеллигент с протянутой рукой. Но разве не ясно, что эта нищета, эта поза ждущего подаяний есть выражение нищеты духа и воли. Да, идёт жестокий естественный отбор, творческий дух проходит очередное историческое испытание (прежде всего на способность сохранять своё достоинство).

Но что здесь слишком нового? Вся история культуры – сплошное, временами непомерно тяжкое, испытание подлинного творческого духа. А он до сих пор жив! Это внушает оптимизм, твёрдую веру, что и в нашу переломную эпоху творческий дух сохранит силу и достоинство, создаёт преграду нарастающему абсурду, найдёт новые пути сохранения целостности и жизнестойкости земной цивилизации, возвышения человечности.

Культура же, как и всегда, – возделывание и обработка. Именно та зона общества, где не действуют законы демократии и равноправия, руссоизм иллюзорного «зелёного» движения: участь сорняков здесь, увы, печальна. Нельзя выскочить из человеческой

экзистенции и начать борьбу за «право» чумной бациллы. Жизнь – не утопическая безынтенционность. Кишащее многообразие – синоним инфекционной горячки и огорода, заросшего лопухами.

«Если в учебнике патологии обнаруживается, – писал Юнг, – что для одной болезни предлагаются многочисленные лекарственные средства разной природы, то из этого можно сделать вывод, что ни одно из них не является особо действенным. И если также указывается множество различных путей, которые должны вести нас к душе, то можно с уверенностью предположить, что ни один из них не приведёт к цели... Множество современных психологий является выражением трудности проблемы» [6, с. 12].

Разброд Вавилонской башни – не счастливая новизна, как это ощущает Борис Парамонов, а трудная и мучительная проблема нынешней ситуации, распутица, поиск на ощупь. Никакого самостоятельного будущего у этого топтания нет – путь (стиль) всё равно, рано или поздно, будет всеми увиден. Подчёркиваю: не найден – увиден. Увиден в одной из существующих многочисленных троп. Множественность – иллюзорна, а иллюзия – преходяща.

Борис Пастернак изобразил вечную, в том числе и сегодняшнюю ситуацию. Прочтём её как культурологическое описание:

*А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решётки.
И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колелется земли уклад:
Они хоронят Бога.
Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь –
Смерть можно будет побороть
Усильем воскресенья.*

(«На Страстной», 1946).

Литература:

1. Бычков В.В., Бычкова Л.С. XX век: предельные метаморфозы культуры // Полигнозис. – 2000. – № 3.
2. Гессе Г. Игра в бисер. – М., 1969.
3. Парамонов Б. Конец стиля. – М.-СПб., 1997.
4. Парамонов Б. Конец стиля. Постмодернизм // Звезда. – 1994. – № 12.
5. Эпштейн М. Парадоксы новизны. – М., 1988.
6. Юнг К. Проблема души нашего времени. – М., 1993.

7. Carnap R., 1993. *Mein in the Philosophic*, Stuttgart.
8. Cassirer E., 1990. *Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur*. Aus dem Englischen von Reinhard Kaiser. Frankfurt/M.
9. Goodman N., 1990. *Weisen der Welterzeugung*, Frankfurt/M.